

Заработная плата педагогов и преподавателей
и материальная база педагогических техникумов
и педагогических училищ
в Узбекистане в период 1925–1939 гг.

Коринна С. Сабитова

*EMU University, Tashkent, Uzbekistan,
scully2608@gmail.com*

Аннотация. В статье автор проводит анализ изменений заработной платы учителей, преподавателей педагогических техникумов, финансового и хозяйственного состояния педагогических техникумов, общеобразовательных школ в Узбекистане в период с конца 1920-х по 1939 г. включительно. В статье приведены данные об изменениях в строительстве помещений, использовавшихся для учебы студентов педтехникумов. Описаны причины кадрового «голода» среди педсостава в школах, а также причины недостаточной укомплектации студентами педтехникумов как в целом в СССР, так и в Узбекской ССР. Проводится анализ тех решений, которые принимались Наркомпросом как страны в целом, так и Наркомпросом Узбекистана, учитывая те обстоятельства, что все решения, постановления и прочие нормативные акты были спускаемы из центра, все решения являлись идентичными. Дан краткий анализ влияния внутриполитической обстановки того времени на состояние системы народного образования и учительство в целом. Статья основана как на историографии, посвященной всеобучу, кадровому дефициту в среде педагогов в 1930-х гг., так и на неопубликованных материалах Национального архива Узбекистана (г. Ташкент), фонд 94, «Среднее специальное образование» 1925–1948 гг.

Проанализировано, каким образом решения, принятые руководством Наркомпроса, изменили в лучшую сторону финансово-хозяйственную часть системы народного образования и благотворно отразились на всей системе образования в целом.

Ключевые слова: Узбекистан, Узбекская ССР, Наркомпрос, учителя, педагогические техникумы, всеобуч, заработные платы, система среднего образования, дефицит кадров

Статья поступила в редакцию 10 июля 2024 г.;

принята к публикации 1 ноября 2024 г.

Для цитирования: Сабитова К.С. Заработная плата педагогов и преподавателей и материальная база педагогических техникумов и педагогических училищ в Узбекистане в период 1925–1939 гг. // История и архивы. 2025. Т. 7. № 1. С. 27–42. DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-1-27-42

Salaries of teachers and lecturers and the material base of pedagogical technical colleges and pedagogical schools in Uzbekistan in 1925–1939

Corinna S. Sabitova

*EMU University, Tashkent, Uzbekistan,
scully2608@gmail.com*

Abstract. In this article, the author analyzes the changes in the salaries of teachers, teachers of pedagogical technical colleges, the financial and economic state of pedagogical technical schools, secondary schools in Uzbekistan in the period from the end of the 1920s to 1939 inclusive. The article provides the data on the changes in the construction of the premises used for studying by the students of pedagogical colleges. The reasons for personnel shortage among the teaching staff in schools are described, as well as the reasons for the insufficient staffing of pedagogical technical schools with students both in general in the USSR and in the Uzbek SSR. An analysis is carried out of those decisions that were taken by the People's Commissariat for Education of both the country as a whole and the People's Commissariat of Education of Uzbekistan, taking into account the circumstances that all decisions, resolutions and other regulations were issued from the center and all decisions were identical. There is a brief research of the influence of the internal political situation of that time on the state of the public education system and teaching in general. The article is based both on historiography, related to the universal education, personnel shortages among teachers in the 1930s, and on the unpublished materials from the National Archives of Uzbekistan (Tashkent), fund 94, "Secondary special education" 1925–1948. The article analyzes how the decisions made by the leadership of the People's Commissariat for Education changed for the better the financial and economic spheres of the public education system and had a beneficial effect on the entire education system.

Keywords: Uzbekistan, Uzbek SSR, People's Commissariat for Education, teachers, pedagogical technical colleges, universal education, salaries, secondary education system, personnel shortage

The article was submitted for publication 10.07.2024;
accepted for publication 01.11.2024.

For citation: Sabitova, C.S. (2025), “Salaries of teachers and lecturers and the material base of pedagogical technical colleges and pedagogical schools in Uzbekistan in 1925–1939”, *History and Archives*, vol. 7, no. 1, pp. 27–42, DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-1-27-42

Введение

Одной из задач, требовавших незамедлительного решения, стоявших перед Наркомпросом УзССР в первые годы советской власти, являлась задача подготовки педагогических, учительских (в первую очередь) и преподавательских кадров. В дореволюционный период в Туркестане была своеобразная школьная система: большую часть образовательной системы занимали мактабы – низшая школа и медресе, выполнявшие роль средней и высшей школ. Мактабы и медресе образовывали достаточно обширную образовательную сеть, но подавляющая часть коренного населения не могла позволить обучение даже в мактабах, и безграмотность среди коренного населения была до революции высокой. В царский период наряду со старометодными мактабами появились так называемые новометодные мактабы, в которых преподавалась и часть светских наук (география, арифметика, история), но их к началу XX в. насчитывалось по всему Туркестану всего около 40.

Существовали и русско-туземные школы, однако большого распространения они не получили. С момента образования Туркестанского генерал-губернаторства в Ташкенте, как наиболее важном административном центре, были учреждены: реальное и коммерческое училища, кадетский корпус и Туркестанская учительская семинария в Ташкенте, единственное в то время учебное заведение, готовившее учителей для начальных русских и русско-туземных школ. Высших учебных педагогических заведений в Туркестане до революции не было.

Вследствие этого к началу 1920-х гг. Туркестанский край столкнулся с проблемой дефицита педагогических кадров.

Для реализации обширной задачи – становления единой образовательной системы – в 1921 г. при Наркомпросе РСФСР было создано особое учреждение Государственный ученый совет (ГУС), главной задачей которого стала разработка учебных программ, методических пособий и других необходимых материалов для школ, но их далеко не всегда можно было реализовать практически.

Тормозило работу Народного комиссариата просвещения и ГУСа в первые годы пятилеток сильное отставание строительства помещений от темпов развития школьной сети. Школы часто размещались в малоприспособленных помещениях, в том числе были трудности и с размещением самих учителей, особенно это касалось отдаленных областей республики. Здания для школ строились глинобитные или из сырцового кирпича (среднеазиатский вариант) и были малоприспособлены для этих целей. И сами учителя проживали в таких же плохо приспособленных для нормальной жизни условиях.

Все это в целом не способствовало популяризации профессии учителя.

Несмотря на очевидные недостатки в уровне профессиональной подготовки советских учителей, постепенно наблюдался их количественный рост.

Уже в ноябре 1917 г. в Ташкенте, Андижане, Самарканде, Коканде и ряде других городов Узбекской ССР были организованы первые трехмесячные курсы по подготовке учительских кадров. С начала и до конца 1920 г. было подготовлено около 3000 учителей местной национальности и 802 учителя европейской национальности, которые прошли различные формы профессионального обучения. Массовое строительство школ, особенно начальных школ, педагогических техникумов, педучилищ и педагогических институтов, расширение заочного и вечернего образования для работающих учителей, в общем, позволяло через количественные параметры подготовленных специалистов выходить на новый качественный уровень.

Следует отметить, что, несмотря на массовый охват образованием широких масс местного населения, существовали и негативные моменты, которые тормозили развитие советской системы народного образования. Физическая инфраструктура учебных заведений была неполноценной. Ощущалась острая нехватка грамотных учителей, особенно коренных национальностей. Низкая заработная плата и тяжелые бытовые условия для преподавателей и учащихся крайне затрудняли обновление преподавательского состава. Такая ситуация сохранялась с 1920 г. и до начала 1930-х гг., но к концу 1930-х гг. благодаря реформам в сфере образования значительно увеличилось количество учителей, особенно учителей начальной школы, и, соответственно, число студентов педагогических техникумов (с 1937 г. – училищ), готовивших профессиональные кадры для начальной школы.

Причины кадрового «голода» в системе народного образования

Основными препятствиями для искоренения недостатка в педагогах-специалистах стала специфика набора абитуриентов.

Острый недостаток квалифицированных педагогов складывался из следующих факторов:

1. Нехватка лиц, имеющих как среднее, так и семилетнее образование.
2. В условиях Гражданской войны, английской интервенции и басмаческого движения развивать советскую школу и советского учителя представлялось крайне непростой задачей.
3. В условиях первых пятилеток материально-техническая база среднего образования была также крайне скудной.

В поисках решения этой первоочередной задачи в резолюции, принятой на XVI партийном съезде в июне – июле 1930 г., особо подчеркивалась важность «скорейшего проведения всеобщего первоначального обучения»¹ в стране, что «должно стать боевой задачей партии в ближайший период»².

Проблем в сфере образования было очень много: это и нехватка учебных пособий, мебели (парт и стульев в классах), отсутствие приемлемого освещения, которые не позволяли наладить учебный процесс, а крайне убогое состояние общежитий не могло обеспечить элементарные бытовые условия как студентов, так и преподавателей. В некоторых общежитиях, особенно это касалось наиболее отдаленных районов республики (Турткульское, Нукусское), отсутствовали столовые, их заменяло некое подобие буфетов с крайне скудным ассортиментом.

Первоочередной причиной плохого материального и хозяйственного состояния педтехникумов являлось отставание строительства помещений, пригодных для обучения. Зачастую педтехникумы были размещены в малоприспособленных для функционирования нормального учебного процесса помещениях. В селах, отдаленных районах и кишлаках здания, предназначенные для техникумов, строились по старому типу – глинобитные или каркасные на 1–2 класса, в редких случаях – из сырцового кирпича на 3–4 класса³.

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. 9-е изд.: В 8 т. Т. 5. М., 1984. С. 342.

² Там же.

³ Народное образование в УзССР за 15 лет (1924–1939) / под ред. Е.В. Рачинской, А.Л. Бродского, Н.А. Овсянникова. Ташкент: Государственное учебно-педагогическое изд-во УзССР, 1939. С. 46.

Проблема строительства помещений была отражена в докладной записке, касающейся вопроса о пересмотре системы и размеров зарплаты руководящего и педагогического персонала педагогических техникумов и педагогических работников в Узбекистане за 1934–1935 гг. В частности, была отмечена «неразрешенность проблемы строительства – это один из самых назревших вопросов, так как большинство педтехникумов расположено в постройках местного типа, абсолютно не отвечающих требованиям педшколы»⁴.

В последующие годы, с конца 1920-х и по 1937 г. включительно, проблема помещений под техникумы и хозяйственной базы в целом медленно, но верно решалась, но стоит отметить, что это касалось прежде всего столичных и самаркандских педтехникумов, а техникумы, расположенные в Кашкадарьинском, Сурхандарьинском и других отдаленных районах, годами ждали ремонта.

Помимо хозяйственного вопроса остро стояла проблема материального положения учителей и преподавателей заведений среднего специального образования. Ввиду низкой заработной платы специалисты неохотно шли работать в школы и педтехникумы.

Одной из вынужденных мер восполнения дефицита учительских кадров были краткосрочные курсы. 23 сентября 1930 г. СНК РСФСР издал постановление «Об откомандировании на педагогическую работу учителей, работающих не по специальности», которое потребовало в обязательном порядке откомандировать лица, окончившие специальные учебные заведения и работавшие не менее года в качестве преподавателей. В случае отказа от работы предлагалось привлекать граждан к административной ответственности [Протасова 2008, с. 133]. Однако к желаемому результату такое принудительное решение не могло привести, и единственным эффективным путем решения стало срочное повышение заработной платы учителям.

Как указывает Н. А. Белова в монографии «Повседневная жизнь учителей», «в 1925 г. учительское жалование составляло 62,5% от средней ставки промышленного рабочего. В то же время в реальности разница в доходах оставалась кратной: высококвалифицированный учитель зарабатывал 45 руб. в месяц, а размер пенсионного обеспечения учителям составлял 240 рублей в год, что ежемесячно было около 20 рублей. В то время как рабочие (родители учеников) получали заработную плату в размере 90–120 рублей ежемесячно» [Белова 2015, с. 98]. Также этот же автор указывает следующее: «по данным Всесоюзной школьной переписи 1927 г., заработная плата учителей по-прежнему значительно отставала от оплаты труда других профессий, особенно профессии технического характера.

⁴ НА Уз. Ф. 94. Оп. 5. Д. 1585. Л. 47, 48.

В 1930-е гг. основное учительское жалование исчислялось путем количества выработанных часов. Час учительского труда в начале 1930-х гг. стоил 1 рубль 62 копейки, после 1936 г. 1 рубль 82 копейки» [Белова 2015, с. 103].

Также в статье «Заработная плата советских учителей в 1920–1960-е гг.», посвященной вопросу заработных плат учителей в сталинскую эпоху, этот же автор подчеркивает: «По официальным данным, заработная плата в сельской местности оставалась ниже, чем у учителей в городе, на 5–10 рублей» [Белова 2011, с. 37], т. е. сельские учителя до реформы образования могли находиться в еще более стесненных обстоятельствах, чем учителя в городах.

Для изменения текущей ситуации руководством СССР в конце первой пятилетки и начале второй пятилетки была предпринята череда действий, направленных на улучшение социального и материального положения школьных работников.

Реформы в системе Наркомпроса, направленные на улучшение материальной базы системы народного образования в начале – середине 1930-х гг.

На протяжении 1920-х гг. были приняты постановления ЦК ВКП(б) и другие нормативные документы советского правительства, касающиеся улучшения материального положения учителей и педагогов. Как указывает исследователь О. Золотарев, особенно это касалось учителей в селах: «Работники просвещения на селе имели ряд льгот: они приравнивались к рабочим в снабжении промышленными товарами и продуктами питания, им предоставлялись бесплатные жилые помещения с отоплением. Ряд шагов был сделан и в деле обеспечения учителей пенсиями. Были предусмотрены и другие меры, которые содействовали улучшению материального положения педагогов» [Золотарев 2010, с. 60]. Но все же этого было недостаточно. И следует отметить, что принятые меры по улучшению материального положения педагогов являлись скорее исключением, а не правилом.

В докладной записке Наркомпроса РСФСР, направленной в СНК в феврале 1927 г., было отмечено, что основной причиной ухода учителей из школы, а также большой «текучки» кадров в системе среднего образования вообще как раз являются тяжелые материальные условия.

Получалось следующее: труд учителя, особенно это касалось педагогов с высшим образованием, в конце 1920-х гг. ценился ниже, чем другие профессии, поэтому молодые люди не стремились работать учителями.

В принятом 10 августа 1927 г. постановлении СНК РСФСР «О состоянии педагогического образования»⁵ увеличивалась стипендия для слушателей высших педагогических курсов, имевших высшее непедagogическое образование. Также вводились льготы для учителей и преподавателей со средним образованием, чтобы эта категория педагогов стремилась получать высшее педагогическое образование. Данные меры были первостепенными, поскольку были необходимы квалифицированные учителя в большем количестве, так как начиная с 1934–1935 гг. произошел переход к обязательному семилетнему обучению в республике. Рост школ происходил стремительными темпами. Согласно данным, приведенным в монографии «Народное образование в УзССР за 15 лет (1924–1939)», «если количество неполных средних школ в 1934 г. было 383 то в 1937-м их количество было уже 989, а в сельских местностях количество школ с 243 в 1934-м возросло до 825 в 1937-м»⁶.

В период второй пятилетки (1933–1937 гг.) начало вводиться и десятилетнее обучение. Власти обратились к вопросу улучшения материального положения еще и потому, что было необходимо привлечь студентов на учебу в педтехникумы, педучилища и пединституты. Если же материальное положение советского учительства продолжало бы оставаться на низком социальном и бытовом уровнях, сделать это было бы затруднительно,

Начиная с 1931–1932 гг. заработная плата руководящему составу педтехникумов и преподавателям начала увеличиваться, но опять-таки не в той мере, которая была нужна, чтобы остановить «текучесть» кадров. Так, размер ставки директора педтехникума в 1935 г. определен в размере 306, 5 рубля в среднем, т. е. были подняты заработные платы руководящему составу педтехникумов, в то же время рядовые преподаватели зарплату получали по-прежнему невысокую: в соответствии с архивными данными, «ставка преподавателя педтехникума при двухчасовой нагрузке в день (48 часов в месяц) определялась в 152 рубля плюс так называемая «хлебная» надбавка в размере 7 рублей»⁷.

В условиях Узбекской ССР эта задача имела особую специфику, поскольку «найти преподавателя педтехникума с высшим

⁵ Постановление СНК от 31 августа 1927 г. «О мерах по улучшению педагогического образования в Р.С.Ф.С.Р.» // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/390048-postanovlenie-soveta-narodnyh-komissarov-o-merah-poluchsheniyu-pedagogicheskogo-obrazovaniya-v-r-s-f-s-r-31-avgusta-1927-g> (дата обращения 09.07.2024).

⁶ Народное образование в УзССР за 15 лет... С. 48–49.

⁷ НА Уз. Ф. 94. Оп. 5. Д. 1585. Л. 46, 48.

педагогическим образованием и с педстажем для преподавания, например: математики, химии, ленинизма и т. д. на уйгурском, киргизском, местно-еврейском и др. местных языках не менее трудно, чем найти одаренного артиста для сцены. Не менее трудно подобрать и педагога – узбека для особо отдаленных районов Хорезма, Сурхан-Дарьи, Кашкадарьи и некоторых других районов»⁸.

Вопрос оплаты труда преподавателям педтехникумов определялся в Наркомпросе Узбекистана как один из самых наболевших, в который упирается ряд проблем, связанных с рационализацией педагогического процесса и повышением качества учебной работы в педтехникумах, педучилищах.

Как следует из переписки наркома просвещения УзССР Рузыбаева с и. о. начальника планово-финансового отдела РСФСР Павловым: «неудовлетворительное положение оплаты преподавательского труда в данных типах учебных заведений выражалось в следующем: Во-первых: в уравниловке – начинающий преподаватель получал такую же оплату, как и преподаватель с большим педагогическим стажем (10 и более лет), не было различия в оплате труда высококвалифицированного преподавателя с высшим специальным образованием и преподавателя, имеющего лишь среднее образование, а то и неполное среднее образование, преподавателя штатного и временного, уравниловка имеет место и в оплате труда директора и завучей.

Во-вторых: преподаватели не получали периодических надбавок за выслугу лет.

В-третьих: оплата преподавательского труда в техникумах и рабфаках системы НКП была не только ниже, чем в ряде ведомственных техникумов и рабфаков, но и ниже, чем в средней школе. В то время как преподаватель средней школы получал в месяц 150 рублей преподаватель техникума, рабфака всего 130 рублей. В то время как в техникумах и рабфаках ряда ведомств преподаватели получали по 4, 5 и выше рублей за часовой урок, в техникумах и рабфаках оплата производилась из расчета 2 руб. 71 коп., а на некоторых педкурсах доходило до 1 рубля»⁹.

Все это, вместе взятое, вело к большой перегрузке ряда преподавателей, с одной стороны, а с другой – к недогрузке других, так как многие преподаватели стремились заполучить больше уроков в других учебных заведениях, где оплата труда выше, рассматривая свою работу в техникумах и рабфаках как временную, в лучшем случае как совместительство: отсюда малая заинтересованность в работе, «гастролерство», стремление при первой возможности бросить

⁸ Там же. Л. 45, 47.

⁹ Там же. Л. 49, 50.

работу, что приводило к большой текучести преподавательского состава.

Естественно, такое положение было чрезвычайно неблагоприятно для создания в техникумах и рабфаках нормальных условий работы и крайне отрицательно влияло на постановку учебной деятельности. Если вернуться к вопросу об «уравниловке», необходимо отметить, что этот факт освещен в работе англоязычного автора Е.Т. Юинга «Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг.». Несмотря на политизацию исследования (что в общем характерно для работ иностранных авторов), в главе, касающейся материального положения, автор отмечает следующее: «После осуждения Сталиным в 1931 г. “уравниловки” в Наркомпросе решили платить учителям в зависимости от образования, опыта и показателей работы. Без такой дифференциации, объясняли чиновники, учителя не будут стремиться к повышению квалификации и уровня преподавания. По данным 1934 г., практически нет разницы в оплате труда учителей и технических школьных работников» [Юинг 2011, с.142].

Улучшение материально-хозяйственного положения школ, педтехникумов и материально-бытовых условий учительства и студентов педтехникумов в конце 1930-х гг.

И только в конце 1930-х г. вопрос о ликвидации так называемой «уравниловки» и введении дифференциации оплаты труда как школьных учителей, так и преподавателей педтехникумов встал во главу угла, и данное явление начало искореняться из образовательной сферы.

В конце 1936 г. был введен образовательный ценз: преподаватели разделены на имеющих высшее образование и имеющих незаконченное высшее образование. К первой «А» категории были отнесены специалисты, имевшие диплом, аттестат или свидетельство об окончании полного курса высшего учебного заведения и защитившие дипломные работы. Вечерние и заочные вузы давали те же права и категорию, что и вузы с «очным» обучением. Как правило, все директора, завучи и желательного педагога педтехникумов должны были иметь высшее образование. Если же высшее образование отсутствовало, то до 1 августа 1938 г. педработники данной категории (без высшего образования) должны были получить его в вечерних или заочных высших учебных заведениях или же получить аттестаты за курс вуза экстерном. В ином случае рассматривался вопрос о замене педработников без высшего образования лицами, имеющими таковое. Преподавателей, которые оканчивали

учительские институты и работавших в педтехникумах, считали по 2-му разряду. Стаж работы учитывался только в должности преподавателя, не в системе Наркомпроса вообще¹⁰.

В этот же период в ходе кампании активного социалистического соревнования в области образования особое внимание стало уделяться грамотности школьников.

Как следовало из директивы начальника УПУ НКП УзССР, «правительство, партия и лично тов. Сталин требуют, чтобы из советских школ выпускались вполне грамотные учащиеся, способные успешно продолжать свое образование в техникумах и высшей школе. В борьбе за безусловную грамотность школьников исключительная роль принадлежит педтехникумам и учительским курсам. Первоначальные навыки грамотного письма дает начальная школа. Постановка работы в начальной школе всецело определяет течение и характер работы по родному языку на следующих ступенях образования. Это обстоятельство заставляет ставить со всей остротой вопросы качества подготовки учителя для начальной школы, вопросы подготовки грамотного учителя. В результате невнимания к этой важнейшей задаче из педшкол, в частности из педкурсов, были выпущены малограмотные учителя, являющиеся главными виновниками плохой работы начальной школы»¹¹.

К концу 1930-х гг. необходимость в срочных педагогических курсах отпала и задача выпуска грамотных и образованных педагогов вышла на первый план и соответственно изменился подход к заработной плате преподавателей.

После введения постановлений ЦК ВКП(б) и СНК СССР; «О повышении заработной платы учителям»¹², «О введении персональных званий для учителей»¹³, «О ликвидации педологических извращений в школах»¹⁴ материальное и социальное положение педагогов начало существенно меняться к лучшему.

Наиболее спорным в середине 1930-х гг. оставался вопрос об оплате совместительства, так как многие преподаватели брали совместительство в других учебных заведениях, школах и в основном преподаванием на различных курсах (краткосрочных) при самих педтехникумах, добиваясь, таким образом, улучшения своего материального положения.

¹⁰ Там же. Л. 168.

¹¹ Там же. Л. 225, 226.

¹² Народное образование в СССР: Сб. документов 1917–1973 гг. М.: Педагогика, 1974. С. 459.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 173–174.

Как указывает исследователь А. В. Новичков, для изменения неблагоприятной обстановки в сфере народного образования нарком просвещения РСФСР А.С. Бубнов справедливо определил, что текучка кадров среди учителей и преподавателей педтехникумов в «значительной степени зависела от уровня материально-бытовых условий педсостава. В условиях форсированных темпов подготовки кадров среднего педагогического образования Бубнов несколько раз специально изучал и обсуждал вопросы выплаты заработной платы учителям» [Новичков 2008, с. 16], что способствовало освобождению педагогов от непомерного количества общественных нагрузок. Усилиями А.С. Бубнова была расширена и сеть заочного образования.

10 апреля 1936 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о повышении заработной платы учителям¹⁵. Согласно постановлению, была повышена заработная плата учителям начальных, неполных средних школ, педагогических техникумов и педагогических училищ и доведена в общем до уровня инженерно-технических работников. Постановлением ЦИК и СНК СССР «О персональных званиях для учителей начальных и средних школ»¹⁶ от 10 апреля 1936 г. были введены пожизненные персональные звания для учителей начальных и средних школ, т. е. созданы стимулирующие условия для повышения квалификации и профессионального роста.

Если сравнивать данные, приводимые в монографии «Народное образование в УзССР за 15 лет», где указывается, что «средний заработок учителя начальной школы при односменной работе составляет 300 руб.»¹⁷ и данные исследователя Беловой, в среднем по СССР: «учительская ставка после реформы 1936 года приравнивалась к 105 руб., а удерживаемая сумма государством за подоходный налог и государственный заем составляла около 20 руб. Следовательно, учитель на руки получал чуть более 80 рублей» [Белова 2015, с. 103–104], можно сделать вывод, что вывод Беловой, более применим к условиям заработка учителя в РСФСР.

Несмотря на предпринимаемые усилия по увеличению количества абитуриентов в средние и высшие педагогические учебные заведения, полностью решить задачу обеспечения педкадрами школы и училища решить не удавалось. К этой проблеме добавились и злоупотребления на местах и проблема своевременности выплаты заработной платы: нередко были случаи задержки выплат заработной платы. Сообщения «о невыплате зарплаты и квартирных учителям продолжаются в течение всех 1930-х гг.» [Ерохина 2016, с. 20].

¹⁵ Там же. С. 459.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Народное образование в УзССР за 15 лет... С. 57.

Репрессивные меры как одна из причин кадрового дефицита в системе образования

Как указывает исследователь Е.А. Ялозина в статье «Кадровая школьная политика 1920-х гг. как пролог сталинских репрессий», уже с середины 1920-х гг. в сфере среднего образования практиковалось проведение «проверкомов». В их состав «входили представители исполкома, партийных комитетов. Их задача заключалась в проведении учета и перерегистрации работников просвещения (на основе заполненных анкет), в определении уровня их профессиональной подготовки, отношения к новой власти, степени участия в общественной жизни, инициативности. По итогам такой работы комиссии учителей распределяли на три категории. К последней, составляющей около 12–15%, относили «непригодных по политической и педагогической неблагонадежности», их отстраняли от преподавания в школе» [Ялозина 2010, с. 23].

Своего апогея «чистки» в среде преподавателей школ и педучилищ достигли в конце 1930-х гг. Жертвами репрессий стали как и сам нарком просвещения РСФСР А. С. Бубнов, так и нарком просвещения УзССР У.У. Рузыбаев¹⁸, который начиная с 1934 г. и на протяжении ряда последующих лет писал докладные и отчеты в Наркомпрос РСФСР, ставя вопрос о пересмотре зарплаты школьным учителям и преподавателям педтехникумов в Узбекистане. Системе учительства, да и педагогам в целом, и без того не отвечавшей в массе своей требованиям времени, был нанесен удар, явившийся закономерным результатом общей политики сталинской эпохи.

Таким образом, «ухудшающееся из года в год положение с обеспечением школ учителями вынудило правительство создать в 1936 г. специальную комиссию по подготовке и переподготовке педагогических кадров, работавшую под непосредственным руководством председателя правительства. Работа комиссии в определенной мере ослабила последствия репрессий и способствовала быстрому расширению сети педагогических учебных заведений, активизировала и оптимизировала подготовку кадров» [Новичков 2008, с. 17].

Была пересмотрена «однобокость» в материальном обеспечении педтехникумов, так как в конце 1920-х и начале 1930-х гг., в период начала индустриализации и первой пятилетки, основные суммы из государственного бюджета шли на обеспечение промышленных вузов. К 1935 г. существовавшая тенденция была

¹⁸ Рузыбаев Убайдулла Убайдуллаевич. URL: <https://centrasia.org/person2.php?st=1065790543> (дата обращения 01.07. 2024).

пересмотрена, и основное внимание в период с конца 1936 г. и вплоть до начала Великой Отечественной войны уделялось подготовке учителей начальных школ, которых готовили средние педагогические учебные заведения. Одновременно значительно расширялось строительство новых учебных зданий, т. е. решался вопрос с хозяйственной базой. Существенно укрепилась и материальная база педагогических учебных заведений.

Как следует из архивных материалов, «ассигнования на народное образование в Узбекистане 1937 г. достигли 180 млн руб. За 2 года (1935–1937 гг.) было построено 319 школ. А также в 2,5 раза увеличилась зарплата учителей»¹⁹.

В 1939 г. расход на одного педагога достиг 113 руб., в то время как еще десять–одиннадцать лет назад (в 1927–1928 гг.) этот расход составлял 28 руб. 26 коп., т. е. по данным цифрам можно судить, насколько увеличился бюджет среднего образования в республике.

Реформы оказали существенное влияние на повышение статуса учителя и педагога и его социальный облик. В частности, для повышения социального статуса учителя и привлечения молодежи в ряды студентов педтехникумов с начала 1930-х гг. в педагогических учебных заведениях – от техникумов до педвузов – практиковались различные семинары, собрания отличников учебы с целью обмена опытом, проводились и курсы повышения квалификации педабработников и таким образом создавался привлекательный образ советского учителя в глазах молодежи и пропагандировалось стремление молодых юношей и девушек поступить учиться в педтехникумы и педвузы.

Заключение

Таким образом, только после проведения определенных мер, направленных на повышение социального статуса учителя, в первую очередь улучшения материального положения, удалось исправить ситуацию в педагогической сфере. Среди предпринятых мер особо следует выделить широкую пропагандистскую кампанию: в частности, и периодической печати и в специализированной литературе, посвященной народному образованию, публиковались очерки о нелегком и самоотверженном труде педагогов, статьи о передовиках, отличившихся педагогах и др. Работа педагога, учителя стала показываться в положительном ключе в литературе и кинематографе. Начавшаяся во второй половине 1930-х гг. реформа народного образования изменила положение и облик советского

¹⁹ НА Уз. Ф. 94. Оп. 5. Д. 2556. Л. 35, 36.

учителя и привлекла большое количество юношей и девушек в педтехникумы, педучилища и в целом в сферу педагогического образования. Был повышен и социальный статус учителя, что, в свою очередь, благотворно сказалось на увеличении числа молодежи, выбравшей для себя профессию учителя.

Литература

- Белова 2015 – *Белова Н.А.* Повседневная жизнь учителей. М.: ИЭА РАН, 2015. 228 с.
- Белова 2011 – *Белова Н.А.* Заработная плата советских учителей в 1920–1960-е гг. // Ярославский педагогический вестник. 2011. Т. 1. № 1. С. 36–38.
- Ерохина 2016 – *Ерохина Е.П.* «Работа учителя трудна и почетна»: уровень нагрузки и оплаты труда советского учителя в 1930-е гг. (по материалам Мордовии) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 5. С. 18–22.
- Золотарев 2010 – *Золотарев О.В.* Советское учительство в 1930-е гг. // Интеллигенция и мир. 2010. № 3. С. 56–68.
- Новичков 2008 – *Новичков А.В.* Проблема педагогических кадров в СССР в 30-е годы XX в. // Омский научный вестник. 2008. № 2 (66). С. 15–18.
- Протасова 2008 – *Протасова Э.Е.* Дефицит учительских кадров: решение проблемы в начале 1930-х гг. // Культура Урала в XVI–XXI вв.: исторический опыт и современность. Кн. 1. Екатеринбург, 2008. С. 131–136.
- Юинг 2011 – *Юинг Е.Т.* Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 359 с.
- Ялозина 2010 – *Ялозина Е.А.* Кадровая школьная политика 1920-х годов как пролог сталинских репрессий // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2010. № 12. С. 22–28.

References

- Belova, N.A. (2015), *Povsednevnyaya zhizn' uchitelei* [Daily life of teachers], IEA RAS, Moscow, Russia.
- Belova, N.A. (2011), "Salaries of Soviet teachers in the 1920s – 1960s", *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, vol. 1, no. 1, pp. 36–38.
- Erokhina, E.P. (2016), " 'The work of a teacher is difficult and honorable'. The level of workload and remuneration of a Soviet teacher in the 1930s (based on the materials from Mordovia)", *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, no. 5, pp. 18–22.
- Ewing, E.T. (2011), *Uchitelya epokhi stalinizma: vlast', politika i zhizn' shkoly 1930-kh gg.* [Teachers of the Stalinist era. Power, politics and school life in the 1930s], ROSSPEN; Fond «Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina», Moscow, Russia.

- Novichkov, A.V. (2008), “The issue of teaching staff in the USSR in the 30s of the 20th century”, Omsk Scientific Bulletin, vol. 66, no. 2, pp. 15–18.
- Protasova, E.E. (2008), “Teacher shortage. Solving the issue in the early 1930s”, in Kul'tura Urala v KhVI–KhKhI vv.: istoricheskii opyt i sovremennost' [Culture of the Urals in the 16th – 21st centuries. Historical experience and the present], book 1, Ekaterinburg, Russia, pp. 131–136.
- Zolotarev, O.V. (2010), “Soviet teachers in the 1930s”, Intelligentsia and the world, no. 3, pp. 56–68.
- Yalozina, E.A. (2010), “Personnel school policy of the 1920s as a prologue to Stalin's repressions”, Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta, no. 12, pp. 22–28.

Информация об авторе

Коринна С. Сабитова, EMU University, Ташкент, Узбекистан; 100100, Ташкент, Узбекистан, ул. Муками, д. 7/1; scully2608@gmail.com
ORCID ID: 0009-0001-5919-6082

Information about the author

Corinna S. Sabitova, EMU University, Tashkent, Uzbekistan; 7/1, Mukimi St., Tashkent, Uzbekistan, 100100; scully2608@gmail.com
ORCID ID: 0009-0001-5919-6082